

ОЛЬГА БАРИНОВА

ТЫШКА-ПОПАДАНКА
И ЕЁ СКАНДАЛЬНЫЙ
КАФЕТЕРИЙ

Ольга Баринова

Пышка-попаданка и ее скандальный кафетерий

<https://litres.ru/74345779>

Аннотация

Умереть на работе и очнуться в сыром подвале? Такого финала Марина не ожидала.

Теперь она — ненужная вдова в чужом, жестоком мире, где магия - не сказка, а оружие. Где ее новый дом скрывает жуткие тайны. А ее прошлая жизнь оказывается лишь частью чужой игры.

Её деверь хочет её смерти. Корона жаждет магический артефакт. А таинственный инспектор с холодными глазами — правды, которую она сама о себе не знает.

Но у Марины есть секретное оружие: она умеет чувствовать вкус. Там, где другие видят лишь горький цикорий, она создаст шедевр. Что для одних - сорняки, то для нее - успешный бизнес.

Марина не привыкла сдаваться, и она заставит этот мир играть по её правилам!

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	28
ГЛАВА 5	34
ГЛАВА 6	40
ГЛАВА 7	46
ГЛАВА 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

ГЛАВА 1

Последнее, что Марина Ковалева помнила о своей прежней жизни, - глянцевого лист отчета, дрожавший в ее руке.

- Вы убираете какао-масло из премиум-линейки?! - Она яростно ткнула пальцем в таблицу, перекрывая грохот конвейера. - Хотите заменить его дешевым аналогом и оставить на упаковке мое имя? Да я лучше уволюсь, чем подпишусь под этим позором!

Начальник смены что-то крикнул в ответ, но его слова потонули в резком металлическом скрежете.

Кто-то завопил:

- Температурующая линия!

Потом был грохот, ослепительная вспышка и запах горелой карамели, смешанный с озоном.

И темнота.

А потом Марина распахнула глаза и судорожно втянула воздух.

Вместо стерильной прохлады реанимации в легкие хлынула тяжелая подвальная вонь. Плесень, сырость, гнилая соломка и что-то приторно-сладкое, от чего к горлу мгновенно подступила тошнота.

Она попыталась подняться, но тело пронзила такая боль, будто по нему несколько раз проехал асфальтоукладчик, а затем сдал назад для верности.

Из груди вырвался хриплый стон.

Марина замерла.

Голос был не ее, и тело тоже.

Она почувствовала это с пугающей ясностью. Оно было слишком тяжелым, неповоротливым и незнакомым. Даже дыхание давалось иначе: грудь сдавливало, сердце колотилось часто и неровно, а во рту стоял отвратительный металлический привкус.

Марина заставила себя повернуть голову. Щеку тут же уколола жесткая солома.

Не подушка.

Она несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию.

«Так, Мариночка. Без паники. Сначала надо выяснить, где мы».

Перед глазами постепенно проступили грубо сложенные каменные стены. По ним тянулись черные потеки сырости. Единственная полоска тусклого света пробивалась из-под низкой массивной двери, а окон и вовсе не было.

Где-то в углу слышался деловитый шорох, затем короткий писк.

- Крысы, - вслух произнесла Марина.

Низкий, сиплый голос окончательно убедил ее: все происходящее не было ни больничной палатой, ни обычным кошмаром.

Она с трудом села. Под ладонями зашуршала прелея соло-

ма. Перед глазами поплыли черные пятна, и пришлось привалиться спиной к ледяной стене.

Руки, которые она подняла к лицу, тоже оказались чужими - короткие пальцы, отекавшие суставы, грубая кожа, въевшаяся под ногти грязь. На безымянном пальце глубоко врезалось в плоть тусклое обручальное кольцо.

Марина никогда не была замужем.

Дурное предчувствие переросло в леденящую уверенность.

Она коснулась лица. Пальцы утонули в мягких щеках. Вместо знакомой аккуратной горбинки под ладонью обнаружился короткий курносый нос. Волосы тоже были другими - густыми, спутанными и длинными.

Марина торопливо огладила себя по груди, животу и бедрам. Плотная ткань незнакомого платья натянулась с угрожающим треском.

Она оказалась в теле другой женщины. И, судя по кольцу, глубоко замужней.

В тот же миг в голову будто вонзилась раскаленная игла. Чужая память возвращалась рваными вспышками.

Темная спальня. Мужчина с багровым от вина лицом. Резкая боль в скуле. Насмешливый женский шепот за спиной.

Марибель Вейн.

Ей тридцать лет, она баронесса бездетная вдова, которую в собственном доме считали обузой.

Ее муж, барон Дориан Вейн, три дня назад сломал себе

шею на охоте.

А вчера утром младший брат покойного, Корнелиус, приказал запретить Марибель в подвале.

Последнее воспоминание было особенно отчетливым: серый свет, падающий с лестницы, тяжелый стук засова и торжествующая усмешка деверя, лично проверявшего замок.

Марина закрыла лицо руками.

Все было настолько невероятно, что сознание отчаянно пыталось найти хоть какое-нибудь разумное объяснение. Кома. Галлюцинация. Посмертный бред.

Но солома колола ладони слишком убедительно. А голодный писк в углу становился все ближе.

Она умерла.

Умерла на фабрике - и каким-то образом очнулась в теле женщины, которую здесь тоже, похоже, собирались уморить.

- Ну здравствуй, Марибель, - хрипло произнесла Марина, обращаясь одновременно к себе прежней и к себе новой. - Кажется, мы с тобой крепко попали.

За дверью раздались тяжелые шаги, и лязгнул засов.

Марина едва успела выпрямиться, когда дверь со скрипом распахнулась. В подвал ворвался серый свет, на миг ослепивший ее. На пороге возник высокий мужчина в дорогом темном камзоле.

Корнелиус.

Чужая память услужливо подсказала имя раньше, чем он шагнул внутрь.

На братьев они с покойным Дорианом были похожи только тяжелыми подбородками и холодным выражением глаз. Однако если Дориан предпочитал действовать кулаками, то Корнелиус явно считал себя человеком тонким и расчетливым.

- Очнулась, - без всякой вопросительной интонации произнес он. - Это хорошо. Значит, мы можем поговорить о деле.

Он не прошел дальше порога, словно боялся испачкать сапоги. Только бросил на солому свиток и подвинул его к Марине носком начищенного сапога.

К свитку были привязаны перо и крошечная чернильница.

- Подпиши отказ от наследства.

Марина не шевельнулась.

- А если нет?

Корнелиус усмехнулся:

- Сгниешь здесь заживо. Не упрямясь, Марибель. Ты все равно подпишешь. Крысы и голод отлично управляют мозги. Да и хлеб с водой такой туше пойдут только на пользу.

Марина медленно подняла на него взгляд.

Страх никуда не делся. Он холодным узлом сидел под ребрами, заставляя сердце биться быстрее. Но вместе со страхом поднималась знакомая злость.

Когда ей хотелось плакать, она показывала зубы.

Надежный защитный механизм. Пожалуй, единственное, что удалось без потерь перетащить из прошлой жизни.

Марина усмехнулась.

На лице Корнелиуса мелькнуло недоумение. Видимо, прежняя Марибель никогда так на него не смотрела.

- Что смешного?

- Ты, - ответила она. - Стоишь у двери, рассказываешь про крыс, строишь из себя хозяина положения... А сам боишься подойти ближе.

Улыбка исчезла с его лица.

- Осторожнее со словами.

- Убить меня ты не можешь, - задумчиво продолжила Марина. - Иначе уже убил бы. Не стал бы тратить время на угрозы и бумажки.

Корнелиус застыл. Кажется, она попала в нужное место.

Марина заставила себя подняться. Ноги дрожали, в висках стучало, но сидеть у его сапог она не собиралась.

- Если вдова барона умрет через три дня после внезапной смерти мужа, начнется дознание, - произнесла она. - А дознание тебе совершенно ни к чему. Правда, дорогой деверь?

- Ты бредишь.

- Возможно. Но даже в бреду я помню о чудовищных закладных на южные земли.

На самом деле она почти ничего о них не знала. Перед глазами лишь мелькнул обрывок чужой памяти: Дориан, швыряющий в огонь бумаги, и Корнелиус, кричащий, что «южные закладные никто не должен увидеть».

Но этого хватило.

Щека деверя едва заметно дернулась.

Через секунду он с яростью пнул стоявшее у стены ведро. Оно с оглушительным грохотом покатилося по полу, расплескивая мутную, вонючую жижу.

Марина не отступила, хотя очень хотелось.

- Подписывай, - процедил Корнелиус. - И убирайся из этого дома. Мне не нужна пустоголовая вдова брата, сующая нос не в свое дело.

«Пустоголовая».

Марина едва не фыркнула. Семь лет она отвечала за технологический контроль на одном из крупнейших кондитерских комбинатов страны. Выявляла подмену сырья, разбиралась в отчетах и знала десятков способов заставить самоуверенного начальника признаться во лжи.

Этот надушенный павлин ее еще не знал.

Но сейчас она была заперта в подвале, едва держалась на ногах и понятия не имела, как устроен новый мир. Поэтому прежде всего следовало выбраться отсюда. Разбираться с наследством и деверем она будет потом - желательно после плотного обеда и в помещении без крыс.

Марина опустила взгляд на свиток.

Подняла его, развязала шнур и развернула пергамент. Чужая память помогла разобрать витиеватые строчки. Отказ был составлен наспех и настолько нагло, что даже она заметила несколько опасных несоответствий.

Корнелиус протянул ей перо.

- Подписывай.

Марина взяла его, обмакнула в чернила и склонилась над пергаментом.

Корнелиус расслабился.

Тогда она отбросила перо в сторону.

- Нет.

Он несколько секунд молча смотрел на нее, словно не поверил собственным ушам.

- Что ты сказала?

- Я не подпишу это здесь.

- У тебя нет выбора.

- Ошибаешься. - Марина постучала пальцем по пергаменту. - Без королевского нотариуса и двух свидетелей такой отказ ничего не стоит. Любой суд признает, что подпись получена под принуждением, и аннулирует бумагу на первом же слушании.

Она понятия не имела, существовал ли здесь королевский нотариус. Но при слове «свидетели» в сознании всплыло воспоминание Марибель: скучный старик в красной мантии, зачитывающий брачный договор.

Значит, законы здесь все-таки были.

И реакция Корнелиуса это подтвердила. Он побледнел так, что на виске стала заметна синяя жилка.

- Откуда ты...

Он оборвал себя.

- Чего ты хочешь?

- Для начала - выйти отсюда. Меня вернут в мои покои, дадут вымыться и накормят. Затем ты вызовешь представителя магистрата. Я подпишу отказ при свидетелях, если документ будет составлен правильно.

- Если?

- Именно. - Марина улыбнулась. - И молись, чтобы все прошло гладко. Иначе ты еще пожалеешь, что не придушил меня в этом подвале.

Взгляд Корнелиуса стал тяжелым.

Марина ждала удара. По телу Марибель пробежала предательская дрожь - слишком хорошо оно помнило, чем обычно заканчивалось мужское раздражение.

Но Корнелиус не ударил.

Он выхватил у нее пергамент, развернулся и вышел. Дверь захлопнулась с такой силой, что с потолка посыпалась каменная труха.

Снова лязгнул засов.

Марина осталась одна, в темноте. Без еды, воды и единой родной души в радиусе, вероятно, нескольких вселенных.

По всем законам жанра ей следовало разрыдаться.

Вместо этого Марина рассмеялась.

- Ну что, Марибель, - сказала она, - добро пожаловать в клуб женщин, которых мужчины стабильно недооценивают. У нас тут весело.

За ней пришли через полчаса.

Двое слуг вывели ее из подвала, старательно избегая смот-

реть в глаза. Один нес фонарь, второй держался на шаг позади и то и дело бросал на баронессу опасливые взгляды.

Замок выглядел не столько богатым, сколько старым и запущенным. Штукатурка осыпалась, ковры протерлись, в коридорах пахло дымом и сыростью. Если это и было наследство, то весьма сомнительное.

Ее отвели в покои на втором этаже.

Комната встретила затхлым воздухом и холодом. Зато здесь имелись кровать, камин, кувшин с водой и дверь, которую запирали только изнутри.

Через несколько минут служанки принесли таз с теплой водой, чистое платье и поднос с едой: жидкую похлебку, темный хлеб, два мясных пирога и ломоть молодого сыра.

Марина жадно выпила два кубка воды. Затем остановилась, прислушалась к себе и заставила сбавить темп. После голода нельзя набрасываться на еду - организм Марибель и без того едва справлялся.

Она медленно съела похлебку, половину пирога и только тогда почувствовала, что перестала дрожать.

Ополоснув лицо и руки, Марина взяла со стола серебряный поднос и поднесла к окну.

Из мутного отражения на нее смотрела незнакомая женщина.

Круглое лицо с покрасневшими глазами. Тяжелые щеки, а на левой скуле багровел желтеющий по краям синяк.

Марина коснулась его пальцами.

В памяти тотчас вспыхнуло лицо Дориана. Пьяная ухмылка. Резкий взмах руки и удар.

Она отвернулась от подноса, стискивая зубы.

- Вот, значит, как ты жила, - тихо сказала Марина.

Ей ответил лишь треск разгорающихся в камине поленьев.

Она снова посмотрела на отражение. Марибель действительно не была красавицей. Но за отеками и болезненной бледностью угадывались мягкие черты и большие внимательные глаза. Не безнадежно. Совсем не безнадежно.

- Ничего, - сказала Марина женщине в серебре. - Будем работать с тем, что есть. Для начала выпьемся, вылечимся и выясним, чем нас кормили. А потом уже займемся остальным.

Она помолчала и добавила:

- Зато мы баронесса.

Последний кусок пирога оказался холодным, но неожиданно вкусным. Марина как раз доедала его, пытаясь определить состав теста и удивляясь привкусу незнакомой пряности, когда дверь тихо скрипнула.

На пороге появилась пожилая служанка, которая до этого приносила ей воду. Женщина нервно теребила край передника и смотрела на Марину с непонятым выражением.

- Госпожа баронесса, - произнесла она после короткой заминки. - Представитель магистрата уже прибыл.

Марина отложила пирог и вытерла пальцы салфеткой.

- Так быстро?

Служанка опустила глаза.

- Господин Корнелиус посылал за ним еще вчера.

Значит, отказ от наследства подготовили заранее.

Возможно, даже раньше, чем Марибель оказалась в подвале.

- Понятно, - тихо сказала Марина.

- Новый хозяин ждет вас внизу, в большой зале.

Новый хозяин.

Интересный титул для человека, который еще не получил наследство.

Марина медленно поднялась, расправила складки чистого платья и посмотрела на свое отражение в серебряном подносе.

- Что ж, - произнесла Марина. - Посмотрим, что я смогу для себя выторговать.

Дорогие друзья, арты в конце второй главы

ГЛАВА 2

Марина улыбнулась служанке так тепло, как только могла себе позволить после всего, что с ней произошло.

- Лина, - произнесла она, вспоминая имя служанки. - Спасибо, что принесли воду... Что ж, не будем заставлять уважаемых господ нас ждать.

Спускаясь по щербатым каменным ступеням, она чувствовала, как гулко колотится чужое сердце в чужой груди. Ее охватил азарт, который в прошлой жизни помогал ей на сложных переговорах. От результата предстоящей встречи зависело слишком многое.

Оставаться в этом доме, как в клетке, было опасно для жизни. Терпение деверя явно было на исходе. Поэтому сейчас, поклялась Марина, она отвоюет себе свободу во что бы то ни стало.

В большой зале, промозглой и полупустой, ее уже ждали трое: раздраженный Корнелиус, сухонький старичок в мантии юриста и незнакомый мужчина у окна - высокий, в темном плаще, стоявший так неподвижно, что Марина не сразу его заметила.

Мужчина не произнес ни слова и даже не представился, но Марина почему-то задержала на нем взгляд. Было в его лице - а особенно в холодном, изучающем прищуре - нечто такое, от чего по спине мгновенно пробежал ощутимый холодок.

Юрист откашлялся и начал зачитывать документ монотонным, скучающим голосом. Корнелиус стоял рядом, скрестив руки на груди, с видом человека, который уже празднует победу.

Марина слушала вполуха - формулировки были громоздкими, но суть она уловила сразу: полный отказ от наследства барона Вейна в пользу брата мужа, немедленное выселение вдовы из родового поместья без права на содержание.

Когда нотариус закончил и протянул ей перо, в зале повисла тишина.

- Прежде чем я поставлю подпись на этом грабительском документе, - спокойно сказала Марина, оглядывая всех троих по очереди, - у меня есть условия.

Корнелиус фыркнул.

- Условия? У бесправной вдовы?

- Эта бесправная вдова, - невозмутимо произнесла Марина, - прекрасно понимает, что без ее подписи ты не получишь ни земли, ни титул еще очень долго. А дознание, о котором мы говорили в подвале, нотариусу наверняка будет в некоторой степени интересно.

Старичок в мантии заметно ожил при слове «дознание» и посмотрел на Корнелиуса с новым, куда более пристальным интересом. Тот побагровел.

- Что ты хочешь?

Марина невольно улыбнулась. Она уже знала ответ - чужая память подсказала ей все, что нужно.

- Немного, - сказала она. – Совсем немного.

И в этот самый момент незнакомец у окна, все это время молчавший, тихо проговорил:

- Прежде чем вы продолжите, баронесса, вам стоит узнать одну вещь о вашем покойном муже. Ту, которую ваш деверь очень старательно от вас скрывает.

Все повернулись к нему разом. Корнелиус побелел так, словно увидел призрак.

Незнакомец не торопился продолжать. Он неспешно отделился от окна и подошел поближе, и теперь Марина смогла разглядеть его, как следует: лет сорока, резкие черты лица, дорогой, но нарочито неброский плащ - все выдавало в нем человека, привыкшего быть незаметным там, где ему нужно.

- По какому праву вы вмешиваетесь в мои семейные дела? - процедил Корнелиус, и голос его предательски дрогнул.

- Скажем так, я - друг покойного барона, - уклончиво ответил незнакомец, не сводя с Марины изучающего взгляда.
- Заинтересованный в том, чтобы дела барона Вейна были улажены... справедливо.

Марина вдруг почувствовала, что за этой вежливой формулировкой прячется что-то гораздо более серьезное, чем обычное соседское любопытство. Но времени разбираться в этом сейчас не было - интуиция подсказывала, что выкладывать все карты на стол при юристе и разъяренном Корнелиусе не стоит ни ей, ни этому загадочному «другу».

- Благодарю за заботу, - произнесла она с ледяной вежли-

востью, - но дела моей семьи мы обсудим позже.

Незнакомец склонил слегка голову, признавая ее ход, и снова отступил к окну - но взгляд его больше не отрывался от нее.

В зал вошла жена Корнелиуса и заняла свое место за спиной мужа. Она была одним из свидетелей, а вторым – странный друг покойного барона.

Корнелиус, воспользовавшись паузой, попытался вернуть разговор на нужное ему русло.

- Так что за условия, Марибель? Говори уже и подписывай.

Марина вернулась к нотариусу.

- Во-первых. В столице, как мне помнится, у нас есть пустующая лавка на улице Гончарной - угловое здание рядом со старой почтой. Она числится за родом Вейн, но пустует уже лет пять и никому не нужна. Я хочу, чтобы она была официально передана мне вместе со всеми долгами и налогами на нее - это будет моя проблема, а не ваша.

Корнелиус нахмурился, явно пытаясь найти подвох.

- Это развалюха? Забирай, мне не жалко.

- Во-вторых, - невозмутимо продолжала Марина, - поместье Дикая долина. Заброшенные луга на границе наших земель, старый сад и дом, из которого еще прошлой зимой съехал последний управляющий. Я знаю, что покойному супругу оно не приносило ничего, кроме головной боли в виде налогов на пустующую землю, и он давно мечтал от него изба-

виться, да не нашлось дурака, готового его купить. А также деревня Светлые Ручьи, право сбора арендной платы и соответствующие обязательства.

- Откуда ты... - начало было Корнелиус, но осекся.

- Это тоже отходит ко мне, - закончила Марина. - И третьих: за подписанный отказ от наследства ты выплатишь мне единовременное пособие, которое покроет ремонт лавки и хотя бы минимальное содержание поместья в первый год. Эту небольшую сумму ты прекрасно можешь себе позволить.

В зале снова повисла тишина - на этот раз изумленная. Юрист приподнял кустистые брови, явно не ожидавший такого поворота с ее стороны.

Корнелиус несколько секунд молчал, очевидно, пытаясь найти подвох и не находил его. С его точки зрения, глупая баба просила о сущих пустяках - разваливающаяся лавка да заброшенное поместье - вместо того, чтобы бороться за реальные богатства. Он даже усмехнулся про себя.

- Ты понимаешь, что это все ничего не стоит? Лавка сгнила, а поместье заросло бурьяном по пояс.

- Если все согласны, тогда ударим по рукам, - как ни в чем не бывало продолжила Марина, скрывая облегчение за маской равнодушия. - Раз это ничего не стоит, то мы быстро оформим все бумаги. Верно, господин магистр?

Юрист, пряча улыбку, придвинул к себе чистый лист пергамента и потянулся за новым пером.

Деверь только пожал плечами, всем своим видом демонстрируя, что делает большое одолжение сумасшедшей женщине.

- Как скажешь.

Марина стояла неподвижно, стараясь ничем не выдать бешеного колотящегося сердца. Никто в этом зале, кроме, может быть, того странного незнакомца у окна, не понимал, что она только что выторговала себе не жалкие подачки, а полную независимость: имя, крышу над головой, землю, которую можно засеять, и лавку в столице, с которой любой безработный технолог-кондитер прекрасно знал, что делать.

Пока чиновник скрипел пером, заключая новый договор, Марина позволила себе слегка улыбнуться. Никому не нужный, забытый уголок этого мира только что превратился в ее личный шанс на достойную жизнь.

Оставалось только подписать бумагу - и не обращать внимания на то, каким пристальным взглядом сверлит ее незнакомец у окна, словно уже знал о ней и этом заброшенном поместье что-то, чего она сама не знала.

Дорогие друзья, обещанные арты:

ГЛАВА 3

После того как все необходимые подписи были поставлены, и перо в последний раз скрипнуло по пергаменту, юрист, довольно кивнув себе, присыпал все песком.

- Готово, - произнес он, поворачивая документ в тугую трубку. - Копию я передам в городской архив к вечеру. Поздравляю с вступлением в наследство вас, господин барон, и вас, госпожа баронесса.

Юрист сделал едва заметный пас рукой, произнося формулу закрепления. По бумаге мгновенно пробежала волна золотистого пламени. Вспышка тут же угасла, не повредив документ, но оставив на нем переливающийся магический оттиск.

Нотариус передал Марине фамильное кольцо мужа, как доказательство статуса вдовы. Она надела его на безымянный палец, и кольцо мягко замерцало, тут же подстраиваясь под размер новой владелицы. Оно признало ее новой хозяйкой, и теперь ее кровь считалась кровью владельца.

Корнелиус проводил взглядом юриста, затем перевел глаза на кольцо на пальце Марины. В его взгляде мелькнула жадность.

- Кольцо, - сказал он, протягивая руку. - Оно принадлежит роду Вейнов. Ты не имеешь права его носить.

Он попытался стянуть кольцо с ее пальца. Металл под его

пальцами раскалился добела. Корнелиус вскрикнул и отдернул руку. На его ладони остался багровый ожог, похожий на герб Вейнов.

Марина смотрела на это с замиранием сердца. Она ничего не делала - кольцо защищалось само.

Корнелиус побелел. Он сжал обожженную ладонь и процедил сквозь зубы:

- Кровь земли признала тебя. Это ничего не меняет. Кольцо не даст тебе власти над настоящим наследством. И, главное, над семейной сокровищницей.

Раздраженный, он развернулся к выходу.

- Слуги вынесут твои вещи из главного дома через час, - бросил он через плечо, даже не потрудившись обернуться. - Лошадь и повозку я тебе, так и быть, одолжу.

- Как щедро с твоей стороны, - в тон ему отозвалась Марина, но он уже не слушал, спешно покидая зал, словно боялся, что она передумает и спросит еще что-нибудь.

Юрист вежливо откланялся следом, оставив после себя лишь запах краски и сургуча. И тогда Марина, наконец, позволила себе выдохнуть - по-настоящему, всей грудью, впервые за этот безумный день.

Она осталась в зале одна. Вернее, почти одна.

- Смело, - от окна раздался тихий голос. - Большинство людей на вашем месте до последнего сражались бы за золото. А вы попросили развалины.

Марина медленно повернулась. Незнакомец никуда не

ушел - все это время он стоял в тени колонны, наблюдая за происходящим с таким видом, словно находился на премьере забавной пьесы.

- Развалины, которые никому не нужны, - гораздо безопаснее золота, которое я не в силах удержать, - ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Мне пока еще дорога моя жизнь.

Уголок его губ дрогнул - не совсем улыбка, но что-то очень на нее похожее.

- Разумно. Хотя и не могу отделаться от мысли, что вы знали о поместье Дикая долина чуть больше, чем говорите.

Марина внутренне похолодела. Он что-то заметил. Или знал заранее.

- У меня было достаточно времени подумать обо всем в подвале, - сухо сказала она. - А теперь, если позволите, представьтесь для начала. Вы знаете мое имя, титул и, судя по всему, куда больше моих семейных тайн, чем мне бы хотелось. Будет честно, если я узнаю хотя бы кто вы.

Незнакомец чуть помедлил, а после чуть склонил голову.

- Эдмунд Рейн... Торговец. По крайней мере, так меня зовут в этом городе.

- А как вас зовут в других городах?

- Это, баронесса, долгий разговор.

Он подошел ближе, и Марина против воли отступила на полшага - что-то в этом человеке заставляло ее держаться настороже.

- Вы сказали, что знаете кое-что о моем несчастном муже, - напомнила она, возвращая разговор в нужное русло, прежде чем этот загадочный «торговец» окончательно перехватит инициативу. - Что-то, что скрывает мой дорогой деверь.

- Говорил. И скажу - но не здесь, где стены имеют уши, а у слуг вашего деверя длинные языки. - Он бросил взгляд в сторону двери, за которой недавно скрылся Корнелиус. - Дикая долина, - сказали вы. Удивительный выбор.

Марина остолбенела.

- Что вы имеете в виду?

Но тут дверь за ее спиной скрипнула, и странный торговец тут же замолчал.

- Не сейчас. - Эдмунд вежливо улыбнулся, и это почему-то встревожило ее сильнее, чем его прежняя каменная холодность. - Устраивайтесь на новом месте, баронесса. А через несколько дней, когда все уляжется, я вас навещу. И тогда мы поговорим обо всем - о поместье, о вашем несчастном супруге, и о том, почему некая... Вдова, проведя сутки в подвале, вдруг заговорила с видом человека, который явно понимает толк в делах.

Он коротко поклонился и ушел, оставив Марину стоять посреди пустой промозглой залы, наедине с гулко бьющимся сердцем и очень нехорошим предчувствием...

К закату, как и обещал Корнелиус, скрипучая телега была загружена нехитрым скарбом Марибель: сундук с поношен-

ными платьями, старое зеркало, несколько горшков и узел постельного белья, очевидно, выдавшего лучшие времена.

Лина, та самая служанка, напросившись в возницы против воли Корнелиуса, взялась проводить прежнюю хозяйку до самого поместья.

- Не бросайте меня здесь, добрая госпожа, - умоляюще попросила она, когда телега загромычала по вечерней мостовой. - Мне в этом доме после вашего отъезда жизни не будет.

Марина посмотрела на ее усталое, изрезанное морщинами лицо и почувствовала укол сострадания.

- Не брошу, - твердо сказала она. - Мне в новом доме умелые руки пригодятся.

Лина всхлипнула и, кажется, впервые на памяти своей хозяйки позволила себе улыбнуться.

Между тем Марина жадно осматривала свои новые уголья. Обычные, казалось бы, поля - но все пространство от края чернеющего вдалеке леса до горизонта было залито синим, словно кто-то нарочно расплескал по земле краску.

- Цикорий, - прошептала она.

Замена кофе, который, насколько она поняла из воспоминаний, только входил в моду в аристократических кругах и стоил баснословно дорого. А здесь - такое добро под ногами. Основа для рецепта, который она разработала еще там, на комбинате, - только там порошок цикория привозили готовым, в огромных мешках, а здесь он рос прямо в поле, бесхозный, никому не нужный, кроме, разве что, коз.

По спине у нее пробежали мурашки профессионального азарта, который ни с чем не перепутаешь...

Когда телега наконец въехала в покосившиеся, поросшие плющом ворота, над разрушенным садом и приземистым каменным домом уже сгущались сумерки. Место выглядело именно так, как и описывал Корнелиус - заброшенным, диким и всеми забытым.

Но Марина, стоя во дворе и вдыхая запах сырой земли и яблонь, впервые в этот безумный день почувствовала не страх, а нечто совершенно иное.

Предвкушение.

Ведь там, где Корнелиус видел лишь гнилые доски и бурьян по пояс, бывшая мастерица кондитерского производства видела совсем другое: сад, полный фруктов, ключевую воду в старом колодце, и заброшенный магазинчик в столице, ожидающий своего часа.

- Что ж, Лина, - сказала она, с трудом разгибая тучное тело после долгой дороги. - Нам предстоит очень много работы.

Где-то в старом саду хрипло каркнула ворона, соглашаясь с этим заявлением. Марина направилась к дому и вдруг пораженно замерла. Из черного проема приоткрытой двери, зловеще блеснув в полумраке, высунулось острое обнаженной сабли. Лезвие застыло в считанных дюймах от ее груди.

- Ни с места! - раздался из темноты резкий, угрожающий голос.

ГЛАВА 4

По спине Марины пробежал холодок. Острые сабли покачивалось в паре пальцев от ее груди, и в свете гаснущего дня было прекрасно видно, что клинок хоть и старый, местами тронутый ржавчиной, но заточен на совесть.

- Ни с места, я сказал! - голос из темноты дрогнул на последнем слове, выдавая то ли волнение, то ли банальную усталость.

Лина за спиной охнула и попятилась к телеге, запричитав что-то про разбойников и немилость богов. Марина медленно подняла руки ладонями вперед - универсальный жест мирных намерений, кажется, работавший в любом мире.

- Тише, тише, - сказала она как можно спокойнее, хотя сердце колотилось так, что казалось, вот-вот проломит ребра. - Я не собираюсь нападать на человека с саблей. У меня, признаться, из оружия только раздражение и длинный язык.

Из темноты донеслось сдавленное фыркание - не то смех, не то нервный всхлип. Клинок дрогнул, но не опустился.

- Это теперь наш дом, - произнес голос уже не так уверенно. - Уходите, откуда пришли.

- Простите, но у меня документ, подписанный нотариусом три часа назад, который утверждает обратное, - Марина покосилась на сундук с бумагами, оставшийся в телеге, и мысленно порадовалась, что не оставила его дома. - Это поме-

стье Дикая долина, и по закону оно теперь принадлежит мне. А значит, юридически, дорогой обладатель сабли, это вы находитесь на моей земле.

Пауза. Клинок снова качнулся, на этот раз явно от неуверенности державшей его руки.

- Мне плевать на бумажки, - буркнул голос, но уже с гораздо меньшим напором.

- Охотно верю. Но раз уж мы оба тут застряли - я, потому что мне больше некуда идти, а вы, судя по голосу, потому что вам тоже некуда идти, - может, для начала опустим саблю и поговорим, как разумные люди?

Из проема, наконец, шагнула фигура - и Марина невольно моргнула. Перед ней стоял не разбойник и не наемный убийца, как она успела себе вообразить, а тощий, взъерошенный подросток лет четырнадцати, в рваной рубаше явно с чужого плеча и с саблей, которая была для него великовата как минимум на два размера. Руки у мальчишки заметно дрожали - не то от голода, не то от страха, который он изо всех сил старался спрятать за напускной свирепостью.

- Ты один тут? - тихо спросила Марина, чуть смягчив голос.

Мальчишка вздернул подбородок, но саблю так и не опустил.

- Нет, - выпалил он и тут же прикусил язык, явно жалея о вырвавшемся слове.

Словно в подтверждение его слов, из-за косяка выглянула

девчонка помладше, лет девяти, тощая, с копной спутанных темных волос и с настороженным взглядом дикого зверька, готового в любой момент юркнуть обратно в нору. За ее спиной, судя по шороху, пряталось еще как минимум одно тело поменьше.

- Дэрик, - прошептала девочка, дергая мальчишку за рукав, - может, не надо саблей? Она не злая с виду.

- Тира, назад, - процедил мальчишка, которого, судя по всему, звали Дэрик, не сводя взгляда с Марины. - Я разберусь.

Марина медленно опустила руки, стараясь двигаться так плавно, как только позволяло непривычное грузное тело.

- Слушай, Дэрик, - решительно сказала она. – Я провела последние сутки в каменном подвале без еды и надежды на будущее. У меня сейчас нет ни малейшего желания выгонять голодных детей из-под единственной крыши, которая у них, судя по всему, есть. Так что давай сделаем так: ты опустишь эту прекрасную, но явно тяжеловатую для тебя саблю, а я не буду звать стражу и объяснять им, кто именно незаконно занял мою землю.

Дэрик замер, взвешивая слова. Марина видела, как в его глазах борются гордость, недоверие и банальный, звериный голод - судя по обтянутым скулам, парень не ел досыта уже давно.

- Откуда мы знаем, что вы нас не выгоните, как только устроитесь? - наконец, спросил он, все же опуская саблю,

хоть и не выпуская ее из рук.

- Ниоткуда, - честно призналась Марина. - Но у меня к вам деловое предложение, если тебе так спокойнее. Мне нужны рабочие руки для этого дома и сада. Судя по тому, что вы тут прячетесь уже не первый день - вы явно знаете это место лучше меня. Где какая доска гнилая, где протекает крыша, где брать воду, что можно есть в этом саду, а что нельзя.

Из-за косяка снова высунулась голова Тиры, а следом за ней - совсем маленький мальчуган лет пяти-шести, тут же вцепившийся в подол ее платья.

- А кормить нас будете? - деловито уточнила Тира, явно унаследовавшая от старшего брата привычку сразу переходить к сути.

- Тира! - шикнул на нее Дэрик.

- Что «Тира»? - огрызнулась девочка. - Я третий день ем одни зеленые яблоки, у меня уже живот скручивает!

Марина почувствовала, как что-то теплое и одновременно болезненное сжалось у нее в груди - совсем не то ощущение, которого она ожидала от этого чужого, непослушного тела.

- Кормить буду, - твердо сказала она. - На изыски не рассчитывайте, но есть будете досыта. У меня в телеге есть остатки пирогов с сегодняшнего стола, а завтра решим, что делать дальше. Взамен - будете помогать по хозяйству, насколько позволяет возраст. И да, никто никого никуда не гонит, если, конечно, вы сами не захотите.

Дэрик наконец опустил саблю целиком и воткнул ее

острием в утопанную землю - жест, в котором Марина безошибочно узнала капитуляцию, хоть он и старался сохранить остатки достоинства.

- Мы... не воры и не разбойники, - буркнул он, явно защищая свою внутреннюю гордость. - Просто нам некуда было идти. Родители умерли от лихорадки прошлой зимой, а хозяин, у которого мы жили, выгнал нас, когда не смогли платить за комнату.

- Разберемся с этим позже, за пирогами, - мягко сказала Марина. - Меня зовут Марибель. Формально я баронесса и хозяйка этих развалин, но давайте обойдемся без церемоний - меня от этого титула саму слегка тошнит.

Тира, не выдержав, первой шагнула вперед, с надеждой глядя в сторону телеги, где лежал заветный узелок с пирогами. Малыш за ее спиной заворуженно наблюдал за той же телегой с не меньшим интересом.

- Лина, - обернулась Марина к служанке, все еще застывшей у ворот с выражением священного ужаса на лице, - будь добра, достань пироги. Кажется, нашей маленькой армии не помешает подкрепление перед первым трудовым днем.

Лина, опомнившись, торопливо закивала и полезла в телегу.

Марина же присела на корточки - насколько позволяло непривычное тело - чтобы оказаться на одном уровне с младшим мальчиком, все еще опасливо жавшимся к сестре.

- Как тебя зовут? - тихо спросила она.

- Тоби, - прошептал мальчик, чуть расслабляясь под теплым взглядом.

- Что ж, Тоби, Тира и Дэрик, - Марина выпрямилась и обвела взглядом обшарпанные стены дома, темный сад и уходящее за горизонт синее поле цикория. - Добро пожаловать в самое перспективное разорившееся поместье этого королевства. У нас с вами, кажется, будет много дел.

Где-то в глубине темного дома скрипнула половица, а в саду снова каркнула ворона - и Марине отчего-то показалось, что впервые за этот бесконечный, безумный день у нее появилось не просто убежище, а нечто гораздо более ценное.

ГЛАВА 5

Утро следующего дня встретило Марину холодом, сыростью и острой болью в пояснице. Она с трудом выбралась из своей новой постели - соломенный тюфяк, накрытый старым одеялом, которое Лина нашла в одном из сундуков, - и первым делом подошла к единственному уцелевшему зеркалу в доме. Старое и с поцарапанной рамой, но все же отражавшее реальность. Реальность была сурова.

Она смотрела на свое отражение и пыталась привыкнуть к тому, что видит. Пышные, незнакомые формы, двойной подбородок, который появлялся, стоило ей чуть опустить голову, и глубокие морщины у глаз - последствия не самой счастливой жизни. Сейчас, при дневном свете, она выглядела на много старше своих тридцати лет.

- Ну и ну, - пробормотала она, поворачиваясь боком и с ужасом наблюдая за своим отражением. - Похоже, предыдущая Марибель налегала на пирожки не меньше, чем на переживания. Ладно, будем считать это стратегическим запасом.

Она с трудом натянула на себя платье, и, кряхтя, вышла во двор. Дом встретил ее запахом сырости, прогнившей древесины и настойчивым ощущением, что все вокруг вот-вот развалится.

Дети уже крутились во дворе. Дэрик колол дрова старым топором, явно пытаясь произвести впечатление, Тира таска-

ла воду из колодца, а Тоби с серьезным видом собирал опавшие яблоки в подол рубашки.

- Доброе утро, госпожа баронесса, - поздоровался Дэрик, перехватив ее взгляд, и Марина подавила улыбку - парень старался держаться официально, но живот предательски урчал, выдавая его с головой.

- Доброе утро, - кивнула она и тут же скривилась от резкого движения - поясница пронзительно стрельнула. - Фух. Дэрик, подскажи мне кое-что. В округе есть деревня? Или я тут совсем одна на всем белом свете?

Она помнила, что по договору ей отошла еще и деревня.

Дэрик нахмурился, опуская топор.

- Есть. Вниз по дороге, с полчаса пешком. Верстах в трех. Деревня Светлые Ручьи. Там домов двадцать, не больше. Но люди там... - он замялся.

- Сердитые? - предположила Марина. - Угрюмые? Боятся чужаков?

- Бедные, - коротко ответил Дэрик. - Очень бедные. После того как барон Дориан собрал дополнительный налог за аренду земель, они еле выживают. Только староста их еще держится.

Марина кивнула, хоть и не поняла, что за дополнительный налог такой. Что ж, бедным нужна работа, а у нее работы - выше крыши. Она посмотрела на дом, на покосившуюся крышу, на сад, заросший бурьяном, и поняла: до первого снега им нужно сделать здесь много чего. Но кухню - в

первую очередь.

- Лина! - крикнула она в сторону дома. - Собирайся! Мы идем в деревню!

Лина, вышедшая на крыльцо, застыла с выражением глупейшего сомнения на лице.

- Госпожа, вы уверены? Говорят, там люди суровые... могут и не так понять.

- Во-первых, я их новая хозяйка, - улыбнулась Марина. – Во-вторых, мы не просить идем. Я могу предложить им работу – а это хлеб и надежда. Что еще надо в трудные времена?

- Негоже барыне за работниками бегать, - проворчала верная Лина, - велите мальчонку за старостой отправить, пусть сам сюда идет...

Марина замерла, опуская руку, которой уже махнула в сторону дороги. Изумленно уставилась на Лину, потом медленно перевела взгляд на собственные ноги, явно не предназначенные для таких расстояний.

- Лина, - сказала она, прикусив губу, - а ведь ты абсолютно права.

Она села обратно на крыльцо с такой грацией, на какую было способно ее грузное, неповоротливое тело, и тяжело вздохнула. Действительно, баронесса не должна топтать по грязи за мужиками. Местные традиции - штука жестокая, но от нее никуда не деться.

- Дэрик! - крикнула она, и парнишка, который как раз пы-

тался незаметно стащить из телеги еще одно яблоко, вздрогнул и выпрямился с виноватым видом. - Брось яблоко, наешься еще. Возьми у Лины кусок пирога, и бегом в деревню. Найди старосту. Скажи ему, что баронесса Марибель Вейн, хозяйка поместья Дикая долина, ждет его для важного разговора.

Дэрик насупился, поправляя рубаху, которая вечно сползала с плеча.

- А если не придет? - буркнул он, явно не привыкший к тому, чтобы его посылали с поручениями к взрослым.

- Придет, - усмехнулась Марина. - Скажи ему, что речь пойдет о работе и налогах. И что у меня есть предложение, от которого он не сможет отказаться. Только без подробностей, понял? Пусть сам придет и спросит.

Дэрик вздохнул, посмотрел на свои стоптанные башмаки, потом на дорогу, ведущую к деревне, взвесил все «за» и «против» и, видимо, решил, что спорить с баронессой себе дороже. Он сунул последний кусок пирога в рот, жестом показал Тире, чтобы та присматривала за Тоби, и нехотя побрел по дороге, то и дело оглядываясь через плечо.

Марина проводила его взглядом и снова перевела дух. Лина уже разделила оставшиеся пироги поровну и подала ей кружку воды из колодца. Марина пила мелкими глотками и размышляла.

Деньги, которые выделил Корнелиус, были невелики - он явно поскупился, - но Марина заранее знала, что это не бас-

нословное богатство. Ей хватит ровно на то, чтобы привести дом в порядок, найти помощников и запустить первую партию экспериментальных продуктов. Если ничего не выгорит - она останется без гроша за душой в старом доме посреди забытого богом поместья. Но если выгорит...

Она сжала кружку и улыбнулась своим мыслям, чувствуя, как в груди просыпается тот самый азарт, который в прошлой жизни помогал ей в самых сложных ситуациях. «Так, - мысленно сказала она себе, рассматривая свое тело под натянувшейся тканью платья. - Во-первых, диета. Во-вторых, нижнее белье. В-третьих, необходимо как можно скорее начать работы».

Она успела отправить детей накопать корней цикория и принести на кухню, осмотрела сад, с тоской отметив, что яблони давно не обрезали, устала, присела на крыльцо и чуть не задремала на солнышке, когда со стороны ворот донеслись тяжелые шаги.

Марина встрепенулась. У калитки стоял пожилой мужчина с аккуратной седой бородой. На нем был потертый, но чистый сюртук, на ногах - крепкие кожаные сапоги. Она обратила внимание на его цепкий взгляд, явно привыкший оценивать людей с первого взгляда. Он медленно осмотрел двор, покосился на протекающую крышу, на растрескавшиеся стены, потом перевел взгляд на Марину и поспешно склонил голову.

- Меня зовут Генрих, госпожа, - представился он негром-

ко, но с достоинством. - Я староста Светлых Ручьев. Мне сказали, что госпожа баронесса желает меня видеть.

- Желает, - подтвердила Марина, поднимаясь с крыльца и с трудом сдерживая стон, когда поясница пронзительно стрельнула. Она невольно оперлась рукой о косяк, стараясь казаться уверенной. Это было непросто: платье вновь опасно натянулось на животе и бедрах.

«Отлично, - мрачно подумала она. - Сейчас он решит, что я баронесса-обжора, проевшая все состояние. Ладно, будем работать с тем, что есть. Бабушка говорила: «Не важно, как ты выглядишь, важно, что ты делаешь».

- Проходите, Генрих, - сказала она, жестом приглашая его в дом. - Разговор у нас будет долгий и серьезный.

ГЛАВА 6

Староста вошел, осторожно ступая по скрипучим половицам, и остановился посреди комнаты, которая сейчас больше походила на склад старых вещей, чем на жилье. Марина не стала ходить вокруг да около.

- Слушайте меня внимательно, - сказала она, встав напротив него и скрестив руки на груди - насколько ей позволяло непослушное тело. - Мне нужны рабочие руки. Я знаю, что в вашей деревне люди голодают. И что земля пустует уже несколько лет, потому что никто не заботился о ней.

Генрих молчал, но в его глазах мелькнул живой, настороженный интерес.

- Я даю вам работу, - продолжила Марина. - Мужчины займутся ремонтом дома и сараев. Женщины - садом и кухней. Я буду платить по совести, без обмана. И больше того - на год освобожу семьи работников от арендной платы и всех сборов в пользу поместья.

Староста дернулся так, будто его ударили током.

- Освободите? - переспросил он, и голос его дрогнул. - На год? Полностью? Госпожа, вы... вы шутите?

- Я никогда не шучу о деньгах, - твердо сказала Марина. - Это правило, которое я запомнила на всю жизнь. Взамен я хочу, чтобы люди работали на меня добросовестно. Чтобы мои земли не пустели, чтобы дом стоял крепко, чтобы в мо-

ем саду росли яблоки, а не бурьян. Если мы сработаемся - я продлю соглашение. Если нет... ну, тогда я останусь без денег, а вы без хлеба.

Генрих стоял неподвижно, глядя на нее так, будто его поразила молния среди ясного дня. Потом он медленно подошел к ней, взял ее руку обеими своими мозолистыми ладонями и, к ужасу Марины, прижался к ней губами.

- Госпожа, - произнес он глухо, и в голосе его дрожали слезы, - вы не представляете... Мы уже не знали, кому молиться... Старый барон брал, но ничего не давал. А вы...

Он действительно собрался опуститься на колени, но Марина, вспыхнув от смущения, резко одернула руку.

- Прекратите! - воскликнула она, чувствуя, как краска заливает ее пухлые щеки. - Я не святая, чтобы передо мной на колени падать, я просто женщина, которая хочет выжить. Без вас у меня ничего не получится. Это сделка, а не подачка. Все честно.

Староста выпрямился, украдкой вытер глаза рукавом и шумно высморкался в носовой платок, который достал из кармана сюртука. Когда он поднял голову, в его взгляде уже не было слез - только решимость и благодарность, от которой Марине стало неловко до мурашек.

- Сегодня же, - сказал он твердо, - я пришлю к вам пятерых мужчин с топорами, пилами и гвоздями. Крышу подлатают, стены укрепят. Эльзу пришлю - лучшую мастерицу в деревне, она и печь может, и стряпать умеет, и в доме поря-

док наведет. Девушек пришлю - они сад приведут в чувство, все грядки перекопают. Только скажите, когда начинать.

- Вот сегодня и начинайте, - строго сказала Марина, пытаясь скрыть смущение. - И передайте своим людям, Генрих: я плачу сразу. Заработали - получили. Так и передайте.

Староста поклонился уже по-настоящему, низко и с достоинством - не с той униженной поспешностью, которая Марину так покорила.

- Сделаю, госпожа, - сказал он, разворачиваясь к выходу. - Сделаю, не сомневайтесь.

Он вышел, кланяясь, и Марина осталась одна в полутемной комнате, чувствуя, как ее толстое, неповоротливое тело дрожит от нахлынувшего волнения. Она подошла к старому зеркалу, посмотрела на свое отражение и усмехнулась.

- Ну что, пышка, - сказала она своему отражению. - Похоже, ты только что обрела себе целую армию. Осталось не прогореть до первой прибыли.

Она вздохнула, поправила платье, которое снова предательски затрещало по бокам, и решительно добавила уже без усмешки:

- Я обязательно похудею. Но не сегодня. Сегодня я буду думать о том, как накормить людей, которые мне поверили.

И, тяжело ступая, она направилась на кухню, где ее уже ждали корни цикория, старые кастрюли и запах новых надежд, который, казалось, витал в воздухе даже среди пыли и запустения...

Дальнейшие дни пролетели как в тумане - в суете, пыли и бесконечных списках дел.

Служанка Лина рассказала, что корни здесь помнят старую магию, и где-то здесь скрыта тайна предков Вейнов.

- Госпожа...

Марина подняла голову.

- Я... я не знаю, правильно ли говорить это. Но мой дед говорил: «Когда придет та, кто почувствует землю, - значит, время пришло».

- Какое время?

Лина покачала головой.

- Не знаю. Но я буду рядом, госпожа. Что бы ни случилось - я буду рядом.

Но Марине было не до древних секретов.

Деньги таяли с пугающей скоростью. На ремонт крыши ушла почти четверть пособия, на материалы - еще четверть. Марина смотрела на свой кошелек и мысленно молилась всем богам, чтобы дожить до первой прибыли.

Но работа двигалась. Кухню расчистили в первую очередь. Убранные горы мусора, отмытые от вековой грязи столы и плита, наскоро установленная каменщиком, который согласился на работу за мешок муки, - и вот Марина, наконец, могла начать то, ради чего, в сущности, все и затевалось.

Первый эксперимент с цикорием был провальным. Она промыла и высушила корни, нарезала тонкими пластинами, подсушила в печи, прожарила, перемолола ручную и зали-

ла кипятком. Получилась горькая, мутная жижа, от которой у Лины перекошилось лицо, Тира скорчила гримасу, а Тоби честно выплюнул ее на землю.

- Что это было? - спросил Дэрик, сдерживая кашель. – Какой-то яд?

- Первый блин, - мрачно ответила Марина, пробуя напиток сама и тут же жалея об этом. - Комом. Или, в моем случае, горьким комом, который хочется выплюнуть. Ничего, - она сжала губы, решительно выливая остатки неудачного напитка в ведро. - Мы не сдаемся. Это же просто цикорий, а не какая-то алхимия.

Следующие три дня она провела на кухне, как одержимая. Она пробовала обжаривать корни дольше - горечь не уходила. Меньше - оставался неприятный привкус. Добавляла мед, который они купили у одного из крестьян за сушие копейки, - и наконец нашла оптимальный баланс.

На четвертый день в кувшине оказался темный, ароматный напиток, от которого пахло теплом, сладостью и легкой горчинкой, почти как от хорошего шоколада. Она налила его в глиняную кружку, поднесла к губам и сделала глоток.

Глаза защипали от нахлынувших воспоминаний. Это был не кофе - нет, до него было далеко, как до Луны. Но это было что-то новое, с характером. Напиток, который можно было продавать.

- Госпожа, - робко позвала Лина, заглядывая на кухню, - там... к вам приехали.

Марина вздрогнула и обернулась. На пороге, заслоняя собой дневной свет и поправляя полы дорогого плаща, стоял тот самый незнакомец с черными глазами и холодной улыбкой. Эдмунд Рейн.

ГЛАВА 7

- Баронесса, - произнес он, слегка наклонив голову, - я обещал навестить вас, когда все уляжется. Прошу простить за вторжение, но, как я вижу, дела у вас идут... неожиданно бойко.

- Госпожа! – вдруг закричала Тира, влетая в дом с перепачканным сажей лицом и горящими глазами. - Там! Сарай! Где мы корни сушим! Он загорелся!

Марина выскочила во двор и замерла, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Старый сарай, который они приспособили под сушилку для цикория, полыхал. Из приоткрытой двери валил густой серый дым, и языки пламени уже лизали сухую деревянную обшивку. Судя по всему, кто-то оставил там жаровню с углями - Марина точно помнила, что утром девушки грели там воду, чтобы промыть корни перед просушкой. И теперь результат их трудов за несколько дней – огромная куча накопанных, отмытых и разложенных для просушки корней - горел вместе с сараем. А еще запас меда и специально собранные деревянные короба. На повторную заготовку ушла бы еще неделя, а знахарка из деревни обещала затяжные дожди.

- Воды! - закричала Марина, забыв о тяжести и неповоротливости, забыв о том, что она вообще-то баронесса, а не пожарный. - Лина, тащи ведра! Дэрик, бегом к колодцу!

Она сама схватила пустое ведро и рванула к колодцу, чувствуя, как каждый шаг отдается болью в ногах. Но в голове была только одна мысль: спасти подготовленные корни. Которые были ее единственным шансом. В который она вложила немалые деньги, покупая мед и специи для пробных партий.

В прошлой жизни на комбинате Марина не раз участвовала в учебных тревогах и знала главное правило: при небольшом пожаре главное - не дать ему распространиться. Сарай стоял отдельно от дома, и если сбить пламя до того, как оно перекинется на крышу, все обойдется.

- Дэрик, лей на дверь! - крикнула она, подбегая с полным ведром. - Тира, отгони Тоби от сарая, быстро!

Парень, который в мгновение ока позабыл о своей напускной важности, схватил второе ведро и плеснул водой прямо в открытый проем. Вода зашипела, превращаясь в пар, и облако едкого дыма окутало все вокруг. Марина закашлялась, чувствуя, как горло жжет, но продолжала лить воду, пока Дэрик бегал туда-сюда от колодца.

Лина притащила старое одеяло и принялась сбивать пламя с наружной стены. Тира, уже поняв, что ей доверили важное дело, держала Тоби за руку и не подпускала его к огню, хотя сама смотрела на горящий сарай с ужасом и любопытством одновременно.

- Отойдите! - рявкнул вдруг чей-то голос, и Марина почувствовала, как кто-то сильный и быстрый выхватывает у

нее ведро. Она обернулась и увидела, что это был один из крестьян, которых Генрих прислал для ремонта. Он ловко плеснул водой в самую середину огня, потом еще раз, и пламя, лизавшее сухие доски, начало затухать.

Всего через несколько минут огонь был потушен. Поврежденными оказались обугленная дверь, почерневшие стены и запах гари, который разносился по всему двору. Но главное – все остальное уцелело.

Марина стояла, опершись руками о колени, и тяжело дышала, чувствуя, как колотится сердце, а ноги дрожат от пережитого ужаса. Она смотрела на обгоревшие стены сарая и понимала, насколько близка она была к полному краху.

- Какой кошмар... - прошептала она, и голос ее дрогнул. - Мы столько дней собирали...

Она опустилась на землю, чувствуя, как по щеке скатывается слеза - от усталости, от отчаяния, от понимания, что все ее труды чуть не пошли прахом.

- Госпожа, - тихо сказала Лина, подходя к ней и кладя руку на плечо. - Не убивайтесь так. Обошлось же.

Марина подняла голову и посмотрела на служанку, на Тиру, которая стояла рядом и шмыгала носом, на Тоби, который испуганно жался к сестре. Дэрик, весь мокрый и перепачканный, но живой, подошел и встал рядом, не зная, что сказать.

И в этот момент к ней шагнул Эдмунд. Он подошел ближе и остановился напротив Марины.

- Баронесса, - сказал он спокойно, - простите мое любопытство, но что такого ценного было в этом сарае, что вы бросились спасать его с такой... самоотверженностью? Я видел, как вы бежали с ведром. Вы рисковали собой. Ради чего?

Марина подняла на него глаза. В ее взгляде горели злость, отчаяние и что-то еще - упрямство, которое не давало ей сдаться.

- Там были корни, - ответила она хрипло, вытирая лицо рукавом. - Цикорий. Мы собирали их три дня. Мы их мыли, сушили...

Эдмунд приподнял бровь, явно не понимая, о чем речь.

- Цикорий? - переспросил он. - Это же трава для коз. Зачем вам столько?

Марина медленно поднялась, чувствуя, как ноет спина и дрожат ноги. Она перевела взгляд на грязные руки, подпаленный фартук и растрепанные волосы, потом снова на него - безупречного, как витрина в дорогом магазине.

- Я не успела вас поприветствовать, - сказала она, стараясь сохранить остатки достоинства, хотя знала, что выглядит так, будто только что участвовала в битве с бочкой кипящего масла - и проиграла. - Пройдемте в дом. Я приведу себя в порядок и угощу вас чем-то совершенно уникальным...

Через полчаса она, наскоро сполоснувшись и причесавшись, в свежем платье, приказала подать в гостиную кофейник с ее новым напитком и бисквиты.

Эдмунд заглянул в тонкую фарфоровую чашку с темной жидкостью и приподнял бровь.

- Что это?

- Пока не знаю, как назвать, - честно призналась Марина.
- Но это лучшее, что я приготовила за последние три дня. Остальное было... не очень.

Она протянула ему чашку, и, к ее удивлению, торговец взял ее без колебаний. Он сделал глоток, помедлил, потом еще один. На его лице мелькнула смесь удивления и любопытства.

- Удивительно, - сказал он после паузы. - Напоминает кофе, который я пробовал в южных странах, но есть и что-то еще... Я даже не знаю, с чем сравнить... Где вы взяли этот рецепт?

Марина скромно улыбнулась.

- Говорят, у меня талант, - уклончиво ответила она. - Теперь осталось придумать, как на этом заработать.

- Я могу помочь, - неожиданно сказал Эдмунд, осторожно опуская чашку на стол и протягивая ей какой-то документ. - Но взамен попрошу вас кое о чем. Разговор, который я обещал вам неделю назад... Думаю, пришло время рассказать вам правду о вашем покойном муже. И о том, почему ваше поместье на самом деле стоит куда больше, чем вы думаете.

Марина развернула пергамент.

В верхней строке стояло:

«Инспектору Эдмунду Рейну, Королевская канцелярия

по особо важным делам...»

Она медленно подняла на него глаза.

- Значит, вы не торговец.

- Нет, баронесса. И ваш муж знал, что ему грозит смерть.

ГЛАВА 8

На письме стояла дата - за два дня до смерти Дориана. Марина пробежала глазами первые строки, чувствуя, как внутри разрастается холод. «Инспектору Эдмунду Рейну, Королевская канцелярия по особо важным делам.

Я, Дориан Вейн, барон, подтверждаю, что в подвале моего поместья «Дикая долина» хранится реликвия древнего королевства - диадема, утерян

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.